

Казалось бы тема детства – это давно изученный со всех сторон феномен. Психоанализ рассматривал детство как источник будущих неврозов, транзактный анализ увидел в человеке некую детскую инстанцию, влияющую на поведение и сознание взрослого человека. Возрастная психология детально изучила этапы, условия, пути формирования ребенка с самого раннего возраста. Есть и другие направления, апеллирующие к детству и к детской инстанции в человеке. Христианская психология, напротив, должна быть устремлена ко «взрослой» инстанции. Ведь духовная жизнь, исповедь, причастие и другие таинства подразумевают участие в них осмысленной зрелой личности. Вера и церковь открывают человеку вертикальное измерение бытия, в свете которого все, что наполняет горизонтальный уровень жизни может и должно быть преобразовано, освещено.

Я дала сейчас некий эскиз к той идеальной картине, в которой христианский православный психотерапевт помогает верующему клиенту или пациенту осознать и преобразовать свои психологические проблемы, в свете духовной жизни. Но часто ли мы оказываемся в реальности участниками такого диалога, такой терапии? Как правило, все наоборот. Клиент или пациент «не выбирает» этот взрослый путь – путь ответственности и свободы. Предпочтение имеют различные формы бегства, примитивные объяснительные схемы, перекладывание ответственности за принятие решения на кого-то другого и так далее и тому подобное. Иными словами, взрослый человек ведет себя как ребенок, но капризный, неуправляемый, эгоцентричный. Американский психотерапевт Мэрилин Мюррей дала довольно точные названия этим внутренним детским персонажам: капризный, эгоистичный – то есть пассивно-агрессивный, и гневный, бунтующий – то есть активно-агрессивный. Однако, мы привычно называем это инфантильностью, неосознанностью и продолжаем апеллировать к «взрослому» в клиенте, способствуя преодолению этих «детских» свойств. Эта стратегия понятна многим и, безусловно, дает свои результаты. Но я бы хотела предложить иной путь, помогающий человеку войти в полноту взрослости, без которой невозможна настоящая духовная жизнь. Вы можете резонно возразить на это, напомнив фразу из Евангелия: «Будьте как дети». Но не сказано, чтобы мы были «детьми», попробуем понять, что с точки зрения психолога стоит за этим «КАК»

...

Таких примеров из моей практики можно привести немало, но все их объединяет удивительный опыт самопринятия и глубокого умиротворения, который следует за опытом встречи со своим «внутренним ребенком». Попробуем рассмотреть этот пронзительный момент исцеления какой-то очень важной части нашей души, нашей личности с психологической точки зрения на примере этой женщины.

Прежде всего, надо сказать, что говоря о «внутреннем ребенке» мы говорим не о конструкте, не об идее и не об исторической памяти. Мы имеем дело с некой реальностью, живущей в глубинах человеческой психики. В каком-то смысле – это живой сгусток памяти, действующий в нас определенным образом и не имеющий связи с сознанием. Эта реальность не монолитна, в глубине ее присутствует опыт первозданного детства. Его открытость миру, искренность, доверие, радость. Именно к этой целостности и полноте призывает нас Христос, говоря «Будьте как дети». Но есть и другой слой – это опыт боли, страдания, это ответ на равнодушие, гнев, эгоизм окружающих взрослых, ответ на тяжелые обстоятельства. Опыт этой боли часто бывает несовместим с жизнью, непереносим психикой ребенка и в

результате психика вытесняет эти переживания в бессознательное. но вытесняется вместе с болью и целостность. Забывая, вытесняя страдания, ребенок автоматически забывает, вытесняет в бессознательное и ту абсолютную радость, которая этому страданию предшествовала. В результате в бессознательную глубину уходят и опыт первичной целостности, и непосредственность и доверие, свойственные раннему детству. Страдание порождает раскол, расщепление, с которым может справиться лишь адаптивность, приспособление. Так на авансцену постепенно выходит современный человек, приспособившийся к окружающей среде, как рыба в воде плавающий во всевозможных конвенциях. Однако внутри этого с виду взрослого человека живет, в порой и властвует обиженный, несчастный, капризный, эгоистичный малыш. Возможно именно к этому человеку обращены слова К.Г. Юнга – «во взрослом застрял ребенок, вечный ребенок, нечто все еще становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании».

Именно этот человек от исповеди к исповеди исповедует один и тот же грех. Этот человек бессознательно ожидает, что его дети «доживут» его жизнь, осуществив Его мечты и чаяния. Этот человек выбирает супруга или супругу в соответствии со своими идеалами, а потом год за годом подгоняет под эти идеалы своего избранника. Этот человек оказывается в кресле клиента или пациента только тогда, когда доходит до предела в бессмысленности своей жизни и его непрожитая жизнь бьется в его сознание самыми различными симптомами, паническими атаками, тревогой или тоской. Этот человек не имеет глубинных связей с той взрослостью, которую предполагает христианство с его глубиной и высотой. Оттого, видимо и возникает феномен, названный «невротической религиозностью». Человек начинает использовать не только людей, ситуации, он начинает использовать Бога в своих личных невротических целях, убегая от одиночества, оправдывая свои ошибки, пытаясь из последних сил доказать, что его существование является настоящей жизнью. Благо, все эти ужасные вещи происходят неосознанно, они порождены искаженными импульсами бессознательного, в глубине которого борется жизнь, требующая осуществления.

Сделаем небольшое отступление и уточним – эти невротические искажения порождены не только той адаптивной частью личности, которая помогла человеку в детстве пережить боль, страдание, одиночество, покинутость или потери. Надо сказать, что этот детский способ защиты, больше похожий на анестезию, остается с нами на долгие годы. В эту невротическую какофонию прекрасно вписывается еще одна внутренняя фигура – фигура родителя – контролирующего, гиперопекающего, поучающего, властного, требовательного или, напротив, холодного, безучастного, отстраненного. Этот образ автоматически списывает подсознание ребенка, наблюдая поведение реального взрослого, находящегося рядом и негативно влияющего на него. Если родители в детстве занимали авторитарную или контролирующую позицию, то в поведении человека на сознательном уровне будут превалировать инфантильные черты подавленности, зависимости, неуверенности. Однако, в его бессознательном будет жить довольно «монструозный» образ внутреннего родителя, очень похожего на родителей реальных. И, наоборот, если родители вели себя инфантильно, безответственно или попросту не занимались воспитанием ребенка, бросив его на произвол судьбы, то этот ребенок, лишенный детства и вынужденный рано повзрослеть, будет склонен к гиперответственности,

XVIII Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2016 года.
Материалы к проекту "7-я Международная конференция православных психотерапевтов
"Христианская психология между человеком и миром: свобода, ответственность, личность"" (13-15
октября 2016 года, Москва)
<http://psy.su/psyche/projects/1901/>

заботе, опеке. Однако в бессознательном этого супервзрослого человека застрянет
недоигравший, ... оттого безрадостный малыш

...